

КОНФЛИКТ КАК ИНСТРУМЕНТ ПОЛИТИКИ

Выполнил : Михайлов В Б632-2

Проверил : Тыхеева Ю.Ц

КОНФЛИКТ КАК ИНСТРУМЕНТ ПОЛИТИКИ

Неслучайно не только обыденное сознание, но и некоторые руководствующиеся здравым смыслом ученые-политологи противопоставляют конфликт и стабильность, рассматривая их как взаимоисключающие состояния политических отношений. При этом конфликт трактуется как нечто исключающее стабильность, устойчивость, сохранение существующего порядка и даже применение политических средств. Так, авторы учебного пособия «Основы политологии» пишут: «Политические отношения, основанные на конфликтном взаимодействии, характеризуются высокой степенью неустойчивости, в них не применяются именно политические средства разрешения политических и социальных противоречий, вместо которых используются административные, военные, правовые или даже криминальные методы снятия социальных и политических напряжений»¹.

Исходя из подобных основополагающих представлений о роли конфликта в политике, логично сделать следующий шаг: осознав злобредность международных конфликтов, надо устранить их из политики на мировой арене, закрепив это решением какой-либо авторитетной организации, например, ООН. Именно эту интересную идею в наши дни сформулировал известный отечественной юрист-международник М.Л.Энтин. По его мнению, переход системы международных отношений от конфронтации к сотрудничеству «должен сопровождаться уяснением того, что вслед за запрещением применения силы и угрозы силой необходимо добиваться запрета на использование международного конфликта в качестве инструмента внешней политики и создания на международной арене таких условий, при которых пресекались бы не только акты агрессии, но и действия по эскалации международных споров, попытки уйти от урегулирования международно-правовыми методами и превратить их в международные конфликты»

В подобных суждениях безусловно присутствует и добрая воля, и тот самый здравый смысл, который предпочитает мир не только ссоре, но и спору. Но не вопреки ли ему практическая политика сплошь и рядом разжигает конфликты с целью стабилизации политических отношений? Не являются ли свидетельствами пренебрежения этим самым «здравым смыслом» многочисленные примеры использования международного конфликта как образующего и закрепляющего данный политический порядок? А разве не через «обострение классовой борьбы» по мере продвижения к светлому будущему обеспечивалась внутривнутриполитическая тишина и стабильность в руководимом И.В.Сталиным Советском Союзе? И разве не участие в международных конфликтах «малых» стран демонстрирует силу и величие «великих» держав или межгосударственных союзов, их способность оказывать влияние на мировую политику? Поиски ответа на эти и многие другие схожие с ними вопросы продолжаются уже не одно столетие. Стремление выяснить, почему же так неистребимо живучи международные конфликты, привело ко многим интересным и важным результатам, но эти поиски еще далеки от завершения. Более того, можно предположить, что они будут идти до тех пор, пока существуют и конкурируют политические доктрины, выражающие и освещающие интересы различных участников политических отношений.

Тем не менее, рассматривая международно-политический конфликт, на основе любого из упоминавшихся выше или каких-либо других исследовательских подходов (а также их сочетания) можно с большой долей уверенности утверждать: анализ роли международного конфликта в системе политических отношений не сводится к его «негативно-позитивной» оценке. Рассуждения на тему, что «хуже», а что «лучше» и почему самые разные народы и государства, возглавляемые в ряде случаев гениальными политиками, на протяжении тысячелетий не хоюли или не могли предпочесть худой мир доброй ссоре, обречены на бесплодное морализирование и политически бессодержательны, если они не затрагивают главный вопрос: кому выгоден данный конфликт? С ним неразрывно связаны и другие важные вопросы: в чем состоит значение международного конфликта для его участников, посредников и наблюдателей? кому и чему он служит? какие проблемы мировой политики связаны с ним?

Понятно, что ученые разных специальностей, анализирующие конфликт с позиций своей науки, обращают внимание на решение наиболее близких ей задач. Так, теоретики-конфликтологи, разрабатывающие математическую модель конфликта, подчеркивают: «Конфликт может нарушать порядок, поддерживать порядок, устанавливать новый порядок. Такая концепция конфликта как научной категории расширяет сферу познания и возможности формализации, выводит исследователя из тупика декларации и поверхностных аналогий»¹. Весомость этого утверждения определяется тем, что оно указывает путь преодоления черно-белого, позитивно-негативного отношения к конфликту.

В том же направлении движутся и ученые, рассматривающие конфликт как явление преимущественно психологическое. При этом, как правило, акцент делается не на устранении, преодолении конфликта, а на управлении им. «Понимание конфликта требует тщательного рассмотрения тех способов взаимодействия участвующих в нем сторон, которые позволяют создать условия для возникновения конфликта, поддерживать его, усиливать и сохранять»², — пишет один из приверженцев такого подхода в журнале, специально посвященном разрешению конфликтов.

Подчеркнем, что отказ от однозначно понятой полезности или вредности конфликта, «хужести» или «лучшести» ссоры или мира позволяет отойти от упрощенного и малопригодного для политической сферы понимания конфликта как игры с «нулевой суммой». В этом случае конфликт понимается по аналогии с игрой, например футболом, где проигрыш одной стороны равен выигрышу другой. Команда, получившая два очка после матча, выигранного со счетом

2:1, тем самым лишает побежденных со счетом 1:2 тех же двух очков.

В отличие от игры с нулевой суммой, функциональное понимание конфликта позволяет рассматривать его как ситуацию, в которой каждый из противников может решать свои задачи, не совпадающие ни по целям, ни по содержанию. С этой точки зрения число побед или поражений одной из противоборствующих сторон не обязательно равно числу побед или поражений другой. Именно такое понимание конфликта оказалось наиболее пригодным для политиков и политологов.

Наглядным примером преодоления примитивной трактовки роли конфликта являются часто цитируемые рассуждения известного американского конфликтолога Л.Козера по поводу взаимосвязи конфликта и стабильности в социально-политических системах различного типа. По его мнению, в открытых обществах и социальных группах конфликт способствует снижению напряжения, помогая стабилизации и интеграции внутригрупповых отношений. Предоставляя участникам конфликта непосредственную возможность выражения противоречивых, сталкивающихся требований, социальные системы, построенные на принципах плюрализма, могут изменять свою структуру и устранять источник недовольства. Таким образом, «свойственный этим системам плюрализм конфликтных ситуаций позволяет искоренить причину внутреннего разобщения и восстановить социальное единство. Благодаря терпимости в отношении социальных конфликтов такие системы получают в свое распоряжение важный механизм социальной стабилизации... Подобный корректирующий механизм вряд ли возможен в жестких системах: подавляя конфликт, они блокируют специфический предупредительный сигнал и тем самым усугубляют опасность социальной катастрофы». В современных отечественных изданиях, посвященных проблемам политического конфликта, сходные мысли высказываются куда менее академично и более эмоционально. Задавшись вопросом «Борьба за власть — норма или аномалия?», очень авторитетный отечественный обществовед Э.Баталов предостерегает и призывает: «Безоговорочно поощрять любое проявление политической борьбы не менее опасно, чем безоглядно гасить ее.

Борьба за власть может быть продуктивной и контрпродуктивной, разрушительной и созидательной, она может открывать перед обществом новые горизонты или толкать его в пропасть... Мало признать борьбу за политическую власть в качестве естественного, хотя и противоречивого фактора политического процесса. Надо сделать из этого признания соответствующие научно-практические выводы»¹. С этим трудно спорить. И в самом деле, надо сделать...

Но именно эти «научно-практические» выводы относительно роли международного конфликта в политике оказываются тесно, что называется «напрямую», связаны с интересами тех, кто стоит или стремится встать у власти. Выявляя и обнажая принципы использования международного конфликта в качестве инструмента политики, наука тем самым затрудняет манипулирование общественным сознанием, освещает отдельные детали механизма власти, которые любая власть, прежде всего исходя из собственных интересов, стремится держать подальше от света. Неудивительно поэтому, что даже в узкоспециальной, конфликтологической литературе анализ конфликта как инструмента политики, его функций нередко исчерпывается фразами вроде следующей: «При заключении плазмы социального конфликта в рамках нечернобыльских правовых и силовых реакторов, проявляется созидательная функциональная роль конфликта как специфической формы конкуренции, как стимулятора действий любого участника общественного процесса»². Но пышная роскошь подобных, безусловно, очень значительных с эстетической точки зрения суждений не может заменить и не должна затмевать содержательного рассмотрения хотя бы некоторых конкретных функций международно-политического конфликта.

ФУНКЦИИ МЕЖДУНАРОДНО-ПОЛИТИЧЕСКОГО КОНФЛИКТА

Начнем с той функции, которую чаще всего обозначают как «снятие», «разрядка», «снижение», «поддержание», а говоря точнее, управление, регулирование социальной — и в том числе международной — напряженности. Развернутую и обобщенную характеристику социальной напряженности, ее связи с конфликтом дал видный американский политолог К. Райт в середине XX века. Он, в частности, писал: «Научный подход к социальному напряжению должен избегать бытующего в обыденном сознании представления о том, что социальная напряженность является злом, которое должно быть искоренено. Напряженность не является зародышем войны (война, по Райту, — разновидность конфликта: изучая конфликт, мы познаем характерные черты войны. — Д.Ф.), хотя может входить в состав порождающих ее причин. Подобно тому как электрическое напряжение опасно для человеческой жизни и может сильно возрасти, если разрушить структуру, в которой оно функционирует, высокое социальное напряжение может привести к насилию или войне или даже разрушить общественные структуры. Однако без минимального напряжения электрическая система не действует вообще. Также и общества не развиваются без определенного напряжения в них. Это напряжение между различными инициативами, которые делают возможным выбор и достижение цели. Напряжение является причиной войны, но оно является и причиной прогресса. Напряжение может существовать в сознании людей, в рамках общественных групп и обществ разного уровня.

В мировом сообществе напряжение существует между нациями и группами наций». Конкретизируя эти суждения, следует подчеркнуть, что социальная напряженность, о которой пишет К.Райт, существует по крайней мере в двух сферах - - внутри общества и в отношениях, складывающихся на мировой арене. Политический конфликт используется для регулирования, управления напряженностью в обеих этих сферах. И его последствия в каждой из них могут совмещаться, влиять и накладываться друг на друга.

Как отмечают отечественные ученые, нередко именно международные (а не внутривнутриполитические! — Д.Ф.) конфликты и кризисы являются причиной смены правительств и хорошим стимулом для политике-государственных реформ. В качестве примеров они ссылаются на изменения в Англии, Израиле, США, прошедшие после пережитых международными конфликтами¹.

В полной мере это относится и к нашей стране. Не погружаясь в седую старину, припомним, что на протяжении XIX и XX веков наиболее кардинальные изменения в государственном устройстве дореволюционной России, реформы, проходившие в разных сферах внутренней жизни Российской империи, были связаны с ее поражениями в таких масштабных международно-политических конфликтах, как Крымская и русско-японская войны.

Впрочем, нетрудно привести и противоположные примеры, когда внутривнутриполитические конфликты вызывают серьезные изменения не только во внешней политике какой-либо страны, но и в широкой системе международных отношений.

История России и здесь дает богатый материал для иллюстраций. Так, заговор против императора Павла I и его убийство царедворцами в 1801 г. были, говоря языком современной политологии, проявлением глубокого внутреннего конфликта в политической элите России. Выступив прежде всего против самодурства самодержца, его произвола, угрожающего дворянским привилегиям, палочной муштры и мелочной регламентации общественной жизни, заговорщики вместе с тем способствовали смене внешнеполитической ориентации Российской империи. В союзе с Наполеоном Бонапартом Павел I действовал против Англии, разорвав с ней дипломатические отношения. При сыне и преемнике Павла I — императоре Александре I² эти отношения были восстановлены, и Россия вошла в широкую международную коалицию, направленную против Наполеона. Таким образом, исход внутриполитического конфликта — дворцового переворота — явился одной из причин деятельного участия России в борьбе с наполеоновской Францией, что, в свою очередь, определило на многие десятилетия международнополитический порядок во всей Европе, да и не только в ней одной.

Обращаясь к более близкой нам истории, придется согласиться с тем, что выяснение всех обстоятельств и сколько-нибудь объективная оценка международнополитических последствий таких внутриполитических конфликтов, как «путч ГКЧП» в августе 1991 года или «суверенизация» республик СССР, во многом еще впереди. Но ни один из участников и современников этих событий не ставит под сомнение их воистину всемирно-историческое значение.

Попытаемся раскрыть механизм взаимного влияния внутренних и международных политических конфликтов, ту роль, которую они играют в обществе. Как правило, поначалу участие данной страны, нации, социальной группы в международном конфликте ведет к росту их внутренней сплоченности, укреплению морально-политического единства, подавлению или отсрочке внутренних конфликтов. Правда, нередко этот эффект достигается через поляризацию социальной общности, ее разделение на тех, которые поддерживают международную деятельность и цели «своей» стороны в данном международном конфликте, и тех, которые не поддерживают их и уже в силу этого выступают как «чужие», т.е. косвенные или даже прямые пособники внешнего врага, а следовательно, враги внутренние. Отсюда и растущая со временем возможность превращения конфликта международного в конфликт внутренний, а войны между государствами — в войну гражданскую.

Этот риск возрастает по мере обострения внутривнутриполитической обстановки, в том числе и под влиянием тягот, связанных с участием в международном конфликте. Вместе с тем стремление использовать в своих интересах консолидирующую функцию международного конфликта заставляет правящие и находящиеся «при власти» группы действовать так, как будто они руководствуются (независимо от того, известен ли он им или нет) советом Н.Макиавелли: «Мудрый государь и сам должен, когда позволяют обстоятельства, искусно создавать себе врагов, чтобы, одержав над ними верх, явиться в еще большем величии»¹. В подобной ситуации в канун русско-японской войны была произнесена и известная фраза, приписываемая Николаю II: «Чтобы предотвратить революцию, нужна маленькая победоносная война».

Социально-экономическое «обоснование» подобных международных конфликтов (а точнее, войн, начатых с тем, чтобы заглушить и ослабить социальный протест) дал в свое время Сесиль Родс — один из тех, кто возглавлял колониальную экспансию Англии и, в частности, активно участвовал в развязывании англо-бурской войны. Он говорил: «Моя заветная идея есть решение социального вопроса, именно: чтобы спасти сорок миллионов жителей Соединенного Королевства от убийственной гражданской войны, мы, колониальные политики, должны завладеть новыми землями для помещения избытка населения, для приобретения новых областей сбыта товаров, производимых на фабриках и рудниках»¹. Однако, как свидетельствует опыт истории, никакой «мудрости» и «искусства создавать себе врагов» не хватает, чтобы в критической, кризисной ситуации сохранить старый, отживший общественный порядок. И международно-политический конфликт (особенно в тех случаях, когда вызванная его эскалацией война оказывается не «победоносной») начинает выполнять совсем другие функции. Он становится детонатором внутривнутриполитического кризиса, ускоряет его "развитие, ведущее к краху всего гнилого, нежизнеспособного. Вряд ли есть необходимость приводить развернутые примеры, иллюстрирующие эту функцию международного конфликта и ее разрушительно-очищающее значение для внутрисоциальных отношений. Укажем в этой связи лишь на такие разные по своим источникам и природе международные конфликты современности, как войны Франции в Алжире и Индокитае; война США во Вьетнаме; англо-аргентинский конфликт из-за Фолклендских (Мальвинских) островов; ввод «ограниченного контингента» советских войск в Афганистан и т.д. И хотя оценка соотношения «разрушительных» и «очистительных» последствий этих конфликтов может вызвать вполне понятные и даже неизбежные расхождения, трудно отрицать ту иницирующую роль, которую сыграли перечисленные конфликты в социальных сдвигах и в изменении социально-политической ситуации в участвующих в них странах.

На протяжении тысячелетий в мировой политике чаще всего именно война была тем «моментом истины», в который определялось реальное соотношение сил участников международно-политических конфликтов, их экономической и военной мощи. Если война в какой-то мере и перестала быть средством мировой политики, то никогда не переставала и не перестанет быть ее результатом. Приближение или несоответствие этого результата поставленной цели — а ею могут быть и мировое господство, и захват спорных территорий, и удовлетворение личных амбиций вождя позволяет делать выводы о силе участников войны, о способности власти мобилизовать и использовать ресурсы общества для достижения своих целей на мировой арене. Поэтому не только досужие наблюдатели, зарубежные друзья и соперники, но и сами представители власти наиболее трезво судят о своем государстве именно по исходу войны. Так, обосновывая необходимость реформ в России, ставшую вполне насущной в результате проигранной Крымской (Восточной) войны 1853-1856 гг., П.А. Валуев, курляндский гражданский губернатор, вскоре назначенный министром внутренних дел Российской империи, писал: «Время изменяет размеры относительного могущества государств. При общем стремлении развивать свои внутренние и внешние силы они идут вперед различными путями и их успехи неодинаковы. В мирные времена трудно оценивать относительную важность этих успехов. Но вместе с первою значительною войною настает минута точной взаимной оценки. Эта минута теперь настала для нас»¹.

Конечно, война — слишком дорогой и постоянно растущий в цене индикатор определения реальной мощи государства. Да и не всегда кровавая правда войны ближе к истине, чем бумажная мощь статистики. Тем не менее и в наше время международно-политические конфликты выполняют эту функцию, позволяя определить значимость сталкивающихся интересов и ту силу, которую каждый из участников конфликта способен приложить для реализации своих целей, и те жертвы, которые они готовы принести

во имя их достижения. Все это представляет громадную важность для самих участников конфликта, а иногда и для судеб всего человечества.

Из множества примеров, демонстрирующих эту функцию конфликта, укажем на уже упоминавшийся — «ракетный», или «карибский кризис» — конфликт, возникший осенью 1962 г. между СССР и США. Непосредственным поводом к возникновению этого конфликта, как уже отмечалось в гл. III, явилось размещение на Кубе советских ракет и ядерных боеголовок. Насколько можно судить на основании данных из доступных исследователям источников, советское руководство считало эти ракеты оборонительным оружием, средством хотя бы частичного выравнивания существовавшего в то время дисбаланса в ядерном стратегическом оружии. А по данным, которые приводил тогдашний министр обороны США Р.Макнамара, соотношение стратегических ядерных сил между СССР и США накануне конфликта составляло примерно 1:17, или триста к пяти тысячам боеголовок. Рассекреченные в последние годы советские данные подтверждают эту оценку¹.

Независимо от того, были или не были достигнуты те цели, которые преследовали участники конфликта, обе стороны не только получили весьма полное представление о силах и возможностях друг друга в случае открытого противоборства, но и на деле убедились в громадной опасности этого противоборства для своих стран и всего человечества. Можно по-разному оценивать обоснованность и результаты тех или иных шагов участников этого международного конфликта, в особенности размещение советских ядерных зарядов на Кубе. Но сегодня ни у кого не возникает сомнений в том, что именно оценка возможных последствий применения ядерного оружия стала отправной точкой при принятии решений политическим руководством обоих государств. Конфликт не перерос в мировую войну именно по этой причине. Более того, отечественные специалисты высказывают хорошо обоснованное убеждение в том, что «как ни покажется парадоксальным, но карибский кризис, при

всей его остроте и драматичности, во многом способствовал утверждению большего взаимопонимания и укреплению доверия как между США и СССР, так и нашей страной и Республикой Куба"¹.

Этот конфликт позволил руководителям СССР и США составить более полное представление о целях, силах и намерениях друг друга, дав ценнейшую и при других условиях недоступную информацию о механизме принятия внешнеполитических решений в странах — участницах конфликта, надежности и особенностях функционирования жизненно важных систем и органов управления, обороны, связи и т.д. в каждой из них, однако не исчерпал тем самым своего «демонстрационного эффекта». Он убедительно продемонстрировал и его непосредственным участникам, и всем тем, кто следил за событиями на мировой арене осенью 1962 года, что человечество оказалось заложником ядерного противостояния, которое несло реальную угрозу всем странам. Полученное знание не остановило гонки ядерных вооружений. Более того, Советский Союз сделал дорого обошедшийся стране рывок в их наращивании, достигнув в 70-е годы военно-стратегического паритета с США. Вместе с тем на примере карибского кризиса общественность всего мира воочию убедилась в близости и опасности катастрофических последствий конфликта с использованием ядерного оружия. Значение этого обстоятельства нельзя недооценивать. И сегодня вряд ли кто-нибудь усомнится в том, что карибский кризис помог человечеству никогда больше не подходить так близко к роковому рубежу ракетно-ядерной войны. Таким образом, оценка международно-политического конфликта, его роли и значения, влияния на политическую обстановку, положение его участников, исторические судьбы так или иначе причастных к данному конфликту социальных общностей не может ограничиваться указанием на возможные или реальные человеческие жертвы, материальный ущерб и прочие потери.

И это несмотря на то, что именно величина потерь и разрушений в ходе масштабных и острых внутриполитических и международных конфликтов является одним из главных (а иногда и единственным) аргументом тех, кто дает однозначно «негативную» оценку этим конфликтам, подчеркивая их неконструктивность, дисфункциональность и т.д.

Конечно, было бы не только антигуманно, но и ненаучно игнорировать разрушительные для человечества последствия больших и малых, мировых и локальных, а также всех других конфликтов и войн. Подсчитано, что за последние пять с половиной тысяч лет люди вели между собой примерно 14500 войн, в ходе которых погибло 3,6 миллиарда человек и уничтожено ценностей, достаточных для обеспечения всем необходимым современного населения земного шара в течение нескольких тысяч лет¹. Особо разрушительный характер носили мировые войны XX века. Общая стоимость прямых и косвенных издержек Первой мировой войны составила 338 миллиардов долларов, а Второй — свыше 4000 миллиардов долларов².

За годы, прошедшие после Второй мировой войны, в ходе «малых» войн и других военных конфликтов, общее число которых только к началу последнего десятилетия XX века превысило 200, погибло свыше 20 миллионов человек³. При этом они становятся все более губительными не столько для военнослужащих, сколько для гражданского населения: если в Первой мировой войне доля гражданского населения в общем числе убитых составляла 5%, то во Второй мировой войне — уже 48%, в американо-корейской войне — 84%, а в войне США во Вьетнаме — 92%. Советские потери в войне в Афганистане приближались к 15000 убитых, а общее число убитых среди населения Афганистана за время пребывания там советских войск составляет около 1,5 миллиона человек⁴. По оценкам, которые, будем надеяться, никогда не будут проверяться на деле, в случае развязывания мировой тер-

моядерной войны доля погибшего гражданского населения в общей массе убитых составит предположительно не менее 98%¹.

Приводя эти данные, хотелось бы уйти от их безграничного дополнения все более новым и свежим материалом (в котором — увы — нет недостатка!), сосредоточившись на вопросе: какие интересы каждой из сторон заставляют идти на подобные жертвы, какие функции конфликта оплачиваются столь дорогой ценой?

Среди функций международно-политического конфликта, по-видимому, наибольшее значение имеет та, которую он играет в разрешении противоречий между его участниками. Самые различные оценки роли этой функции зачастую сходятся в том, что конфликт (и тем более война) — слишком дорогая цена за достижение тех целей, которые стремятся реализовать в своем взаимодействии его участники, и за разрешение возникающих между ними противоречий. Неудивительно, что при этом в центре внимания оказывается поиск путей предотвращения и разрешения самого конфликта, а не его роль в разрешении противоречий.

Такая постановка проблемы вполне правомерна и не вызывает принципиальных возражений. Вместе с тем нельзя не признать, что участники конфликтов, развертывающихся в сфере мировой политики, далеко не всегда имеют возможность выбирать способ и форму разрешения взаимных противоречий, а тем более определять цену, которую они готовы заплатить за их разрешение. Кроме того, даже если такая возможность имеется, более «богатая», т.е. мощная, сильная, сторона нередко осознанно стремится разрешить противоречия, обострив их до военного конфликта, не останавливаясь перед применением вооруженного насилия. Именно такой способ разрешения противоречий избрали, например, США, проводя в 80-е гг. вооруженные акции против Ливии, Панамы, Ямайки и т.д.

Не вдаваясь в анализ конкретных потребностей и интересов, лежащих в основе каждого из этих и подобных им конфликтов, можно отметить, что они были осознаны как некоторые общие цели, к достижению которых стремились Соединенные Штаты. Отсюда их стремление продемонстрировать потенциальным противникам на мировой арене эффективность и превосходство своих сил; желание показать внутри страны решительность и непреклонность в обеспечении национальных интересов и тем самым обеспечить поддержку электората; стремление очертить сферу влияния и границы, действуя в которых Америка не считает себя связанной принципами и нормами международного права, обозначив свою готовность пожертвовать пропагандистским эффектом проведения «моральной политики» во имя политической целесообразности. Перечисление можно продолжить, но и без того ясно: содержание всех этих целей сводится к поддержанию и укреплению выгодной для США стабильности в тех районах земного шара, которые рассматриваются Вашингтоном как «сфера жизненно важных национальных интересов».

Итак, разрешение противоречий через их обострение до конфликта означает, что конфликт (наряду с другими возможными его последствиями) может привести и к укреплению социально-политической стабильности. Значение сделанного вывода заставляет уделить ему особое внимание.

МЕЖДУНАРОДНЫЙ КОНФЛИКТ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ СТАБИЛЬНОСТЬ

Внешняя парадоксальность не уменьшает эффективности использования стабилизирующей функции конфликта. Причем эта функция относительно независима от социально-классового и политического содержания самого конфликта, что обусловлено природой самой социальной стабильности. Ведь стабильность любой системы социальных отношений — результат взаимодействия, противоборства и сотрудничества их участников, стремящихся к удовлетворению своих интересов. Стабильность, как и равновесие, в общественных отношениях имеет вполне определенный политический смысл. «Тот, кто контролирует равновесие, занимает ключевую позицию в системе баланса сил, поскольку от нее зависит исход борьбы за господство», — писал признанный авторитет в этих вопросах Г.Моргентау¹. С ним по сути дела соглашается и наш известный ученый А.А.Галкин, когда отмечает, как бы дополняя Г.Моргентау: «Равновесие, а следовательно, и стабильность системы в значительной мере зависят не только от колебаний в балансе совпадающих и противоположных (взаимоисключающих) интересов, свойственных различным группам. Неменьшую роль играют утвердившиеся в данной общественной системе способы сопоставления противостоящих интересов, решения возникающих при этом противоречий»². Некоторая механистичность и односторонность в понимании социальной стабильности лишь как равновесия или баланса сил, присутствующая в цитируемых высказываниях, не мешает признать, что подобные констатации имеют несомненное практическое значение. Они позволяют указать на связь международного конфликта и стабильности, близость, а иногда и совпадение выполняемых ими функций.

При этом важно иметь в виду, что и противоборство, и сотрудничество могут иметь как стабилизирующий так и нестабилизирующий характер, оказывать стабилизирующее или дестабилизирующее влияние на ту или иную систему международных отношений. Понятно, что даже самое прочное, долговременное, стабильное сотрудничество различных международных террористических групп отнюдь не есть прямой путь к стабилизации обстановки на мировой арене. Тем не менее в борьбе с подобными террористическими группами может укрепляться не только международное сотрудничество различных государств, но и международная стабильность. В условиях крушения относительно стабильного биполярного мира, обострения многочисленных страновых, региональных и глобальных проблем некоторые исследователи видят в международной стабильности самоценное благо, высказывают убеждение в том, что «перспективной, высшей формой развития международной системы является динамическая стабильность»³. При этом под динамической стабильностью понимается «равномерное, предсказуемое развитие системы международных отношений на основе прогрессивных трансформаций составляющих ее элементов в их взаимосвязях между собой и с обрамляющей планетарной макросистемой, развитие, при котором эволюционным путем система приобретает новые качества». С точки зрения излагаемого здесь подхода к анализу различных состояний, характерных для системы политических отношений на мировой арене, стабильность этой системы может быть понята как измерение ее динамической устойчивости, характеристика ее способности к сохранению, определяемая сочетанием целей и интересов социальных общностей, взаимодействующих в данной системе. Такое понимание международно-политической стабильности позволяет анализировать и международные системы различных уровней в целом, и каждое конкретное состояние любой из них, а также политическую ситуацию, складывающуюся на мировой арене в целом или в отношениях отдельных участников международных отношений.

Следует подчеркнуть, что в таком понимании международная стабильность отнюдь не безусловно противостоит международному конфликту и не находится с ним в отношении «взаимополагания» и «взаимоотрицания». Она может быть достигнута и на основе противоборства, и на основе сотрудничества. История международных отношений дает многочисленные примеры как стабильно дружественных, так и стабильно враждебных отношений их участников. Международная стабильность — «это лишь одна из функциональных характеристик международных систем, их способности к сохранению и изменению. И, как уже отмечалось, в этом смысле она очень близка к конфликту. Применительно к политической стабильности это означает, что она, как и политический конфликт, является, с одной стороны, важной составляющей развития международных отношений, с другой — не имеет безусловно «позитивного» содержания, будучи связанной не только с сотрудничеством, но и с противоборством. Об этом свидетельствует, например, тот факт, что «холодная война» была периодом относительно высокой стабильности международных отношений, построенных на конфронтации государств с противоположным социально-экономическим устройством, противоборстве двух мировых общественных систем. Другим примером стабильности международных отношений могут быть взаимоотношения стран «социалистического содружества» для которых было характерно не разрешение, а замалчивание, игнорирование присущих им проблем и противоречий. Загоняя их вглубь, «не замечая» действительного положения, в течение многие лет удавалось поддерживать иллюзию «единства» и успешного развития мира «реального социализма». Социальный взрыв, конфликтное обострение проблем, явившиеся неизбежным следствием подобной стабильности, привели не только к распаду сложившейся здесь системы политических и экономических отношений, но и к глубоким социальным сдвигам во всем обществе, краху этого мира.

Обеспечить регулируемое взаимодействие конфликтности и стабильности в системе политических отношений и сочетание их функций, не допустив ни неподвижности мертвящего застоя, ни разрушения этой системы, — одна из важнейших задач политической теории и практики.

Широко популяризируемой моделью решения этой задачи, которая нередко пропагандируется в качестве едва ли не универсального рецепта оптимальной организации политических процессов на принципах балансирования и равновесия, является так называемая система сдержек и противовесов, воплощенная во внутриполитической жизни Америки.

Речь идет о предписанных конституцией США отношениях между тремя ветвями власти — Конгрессом, Президентом и Верховным судом, установленных ею правил борьбы за власть между этими институтами и внутри каждого из них. «Победа» или «поражение» одной из ветвей власти ведут к временному нарушению политической стабильности, достигнутой на основе равновесия во взаимоотношениях соответствующих институтов, но незыблемость конституционно закрепленных «правил игры» и конституционно утвержденных ролей возвращает систему к желанной стабильности. «Желанной» — поскольку политическая стабильность в этой системе имеет динамический, подвижной характер.

Борьба за власть внутри и между институтами не заканчивается при возвращении к конституционному равновесию, но неизбежно порождает новые (и часто непредвиденные) обстоятельства. В этом случае правящие политические институты вступают в новые отношения, и устанавливается новый баланс ветвей власти, обеспечивающий политическую стабильность. Причем, как отмечают сами американские политологи, убежденные в достоинствах этой системы, «все происходит таким образом, который не предвидится ни одной из научных теорий»¹.

Не ставя под сомнение необходимость построения теории, позволяющей повысить предсказуемость, а следовательно, и управляемость, и стабильность политики, Л.Додд — автор цитируемого высказывания, констатирует: «Политика — не константа или повторяющаяся игра с простыми, легко запоминающимися моделями, которые можно выявить и использовать для предсказания будущего»². Политическая стабильность — это стабильность социального процесса, теория которого не может быть сведена ни к обобщенно-надысторическому описанию универсальных для различных времен, стран и народов циклов, ни к конструированию «правил игры» наподобие, например, правил игры в баскетбол, талантливо придуманных в Америке несколько десятилетий назад и получивших распространение во всем мире. Показали свою неэффективность и попытки построения теории политической стабильности на основе формально-логических обобщений и переноса в иной контекст различного рода концепций равновесия, баланса сил, гомеостаза и т.д. Сегодня одним из наиболее плодотворных путей разработки столь необходимой обществу теории политической стабильности представляется ее рассмотрение как частного случая, состояния политического процесса, обусловленного другими его состояниями, в первую очередь — конфликтом. Этот путь предполагает выявление их взаимосвязи, совпадения и своеобразия присущих им функций, анализ той роли, которая принадлежит политическому конфликту и политической стабильности в жизнедеятельности общества. Здесь открываются, по крайней мере, две возможности. Одна связана с идеологическим по своей сути возведением стабильности в ранг высших человеческих (а при желании и «общечеловеческих») ценностей и соответственно приданием ей приоритета, по крайней мере, в политической деятельности.

Подобные попытки под несомненным влиянием нестабильной внутриполитической обстановки в нашей стране предпринимают некоторые отечественные исследователи. Так, А. М. Салмин в предисловии к книге «Буржуазное общество в поисках стабильности» пишет: «Стабильность — самостоятельная ценность, несводимая без остатка к любой другой или сумме любых других общественных ценностей, кроме, пожалуй, одной: упорядоченности»¹. Однако при рассмотрении политической стабильности выясняется, что в реальности стабильность и конфликтность связаны не столько иерархией ценностей, сколько своими функциональными характеристиками. Неслучайно А. М. Салмин в ходе дальнейшего изложения приходит к мысли о том, что устойчивость «такой общности, как «объединенная Европа», во многом была обеспечена в последние десятилетия в специфических условиях конфликтной и квазиконфликтной стабильности двух идеологически поляризованных военно-политических сообществ»², а нарушение социально-политической стабильности на Востоке Европы неизбежно означало «вызов сложившимся связям и институтам в другой половине по сути двуединого формационного комплекса»³.

Второй возможный вариант подхода к выработке концепции политической стабильности связан с рассмотрением стабильности как объективной функциональной характеристики социальной системы. Следует отметить, что этот путь отнюдь не нов. Можно вспомнить, что уже несколько десятилетий назад такой подход к пониманию стабильности завоевал право на существование, составив своего рода теоретический задел одного из направлений в американской политической теории.

В конце 50-х гг. М. Каплан первым из американских ученых предпринял попытку моделирования и исследования функций отдельных состояний международных систем.

Впоследствии, излагая свою концепцию, важная роль в которой отводится «равновесию», «стабильности» и «динамическому изменению», он отмечал, что сконструированные им модели не являются моделями равновесия в духе Т.Парсонса. «Равновесие не имеет объяснительного значения внутри таких систем. Скорее это равновесие, которое само должно быть объяснено, и модель его объясняет, указывая механизмы, восстанавливающие или поддерживающие равновесие»¹. По М.Каплану, равновесие и стабильность не одно и то же, поскольку равновесие может быть и нестабильным. Так, политическое равновесие в международных отношениях часто устанавливается на основе весьма кардинальных внутренних, структурных изменений системы. Рассматривая несколько типов (шесть основных и четыре разновидности) международных систем как модели мировой политики, он исследовал функциональные особенности каждой из них и их сравнительную стабильность. При этом М.Каплан не ограничивался построением формализованных схем, стараясь по возможности учесть социально-политические, географические, военно-технические и некоторые другие основания международной стабильности. Сегодня и в нашей стране среди политологов все шире распространяется убеждение в том, что «исследователям политической стабильности необходимо в полной мере осознать актуальность осмысления социально-классовых и — шире — социальных оснований политики. Эти основания эмбрионально содержат в себе все конфликты и напряжения, которые имеют шансы вылиться в губительные для общества потрясения»³. Представляется, что такой подход применим к анализу не только функциональных проявлений конфликта и стабильности, но и всех мыслимых явлений и состояний политической жизни. Скорее это равновесие, которое само должно быть объяснено, и модель его объясняет, указывая механизмы, восстанавливающие или поддерживающие равновесие»¹. По М.Каплану, равновесие и стабильность не одно и то же, поскольку равновесие может быть и нестабильным.

Так, политическое равновесие в международных отношениях часто устанавливается на основе весьма кардинальных внутренних, структурных изменений системы. Рассматривая несколько типов (шесть основных и четыре разновидности) международных систем как модели мировой политики, он исследовал функциональные особенности каждой из них и их сравнительную стабильность. При этом М.Каплан не ограничивался построением формализованных схем, стараясь по возможности учесть социально-политические, географические, военно-технические и некоторые другие основания международной стабильности².

Сегодня и в нашей стране среди политологов все шире распространяется убеждение в том, что «исследователям политической стабильности необходимо в полной мере осознать актуальность осмысления социально-классовых и — шире — социальных оснований политики. Эти основания эмбрионально содержат в себе все конфликты и напряжения, которые имеют шансы вылиться в губительные для общества потрясения»³. Представляется, что такой подход применим к анализу не только функциональных проявлений конфликта и стабильности, но и всех мыслимых явлений и состояний политической жизни.

Здесь же важно уяснить, что политическая стабильность и политический конфликт - - или, выражаясь не претендующим на научную точность языком фольклора, «мир» и «ссора» — отнюдь не безусловно противостоят друг другу. Будучи проявлением социальных потребностей и интересов, отражая меняющееся соотношение сил участников общественных отношений, политический конфликт, как и политическая стабильность, выполняет еще одну функцию — предоставляет принципиальную возможность политического измерения социума. Но подчеркну еще раз, это разные, а не исключающие или предполагающие друг друга характеристики. Наличие и определенная каким-либо способом изменяющаяся размерность, величина и интенсивность одной из них вовсе не означают отсутствия или соответствующего возрастания (уменьшения) другой.

Суммируя сказанное выше и хорошо понимая, что все функции конфликта перечислить и проанализировать почти так же трудно, как перечислить и проанализировать все общественные конфликты, подведем итог сказанному в этой главе. Итак, обобщающий вывод: все суждения о позитивной, негативной, конструктивной, деструктивной или какой-либо другой роли международно-политического конфликта могут иметь смысл и значение лишь в той мере, в какой они соотнесены с интересами данной социальной общности (государства, нации, правящей элиты, отдельных этнических, профессиональных, конфессиональных или любых других социальных групп) в данном конфликте.

Помимо этого, ни в коей мере не игнорируя различий в отдельных функциях многообразных международных политических конфликтов, укажем, что в них есть (пусть и не всегда одинаково отчетливо проявляющийся) общий, объединяющий их момент: любой конфликт так или иначе, рано или поздно, прямо или косвенно, с большими или меньшими издержками дает дополнительный импульс политической деятельности на мировой арене. Этот научный вывод может быть интерпретирован с различных идеологических позиций, спектр которых весьма широк — от крайних форм пацифизма с присущим им культом «бесконфликтности» и «ненасилия» как абсолютных ценностей, до человеконенавистнической пропаганды войны в качестве универсального «двигателя прогресса». Сопоставление и сравнительный анализ этих позиций — задача, более близкая идеологу, нежели социологу, политологу или политику-практику, каждый из которых может с полным основанием считать политический конфликт пусть опасным дорогим, но зато почти всегда находящимся «под рукой» средством управления обществом. И, наконец, реальное взаимодействие участников мировой политики демонстрирует, что и конфликт, и стабильность здесь зачастую не только выполняют одну и ту же роль необходимой предпосылки, условия движения данного политического образования, но и влекут за собой схожие или очень близкие по своему содержанию последствия. Тем самым функциональное значение конфликта и стабильности не дает достаточных оснований для однозначных оценочных суждений о предпочтительности одного из этих состояний политических отношений на мировой арене.